

Спутница жизни и творчества ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

В рубрике «Люди и встречи» мне хотелось бы рассказать о Тамаре Владимировне Ивановой (ударение на а), жене (к моменту нашей первой встречи - вдове) писателя Всеволода Иванова, уроженца станицы Лебяжье Павлодарской области. Если бы Тамара Владимировна ограничила свой мир «обязанностями» спутницы жизни, а затем - вдовы известного писателя, то почти не о чем было бы и говорить. «Почти» - к тому, что эта женщина со временем сделалась незаменимым секретарем Вс. Иванова. Приводила в порядок рукописи, перепечатывала на машинке тексты, контактировала с издательствами и редакциями, была первым читателем и критиком только что вышедшего из-под его пера. Дома, в семье (которая тоже требовала немало забот), старалась создать мужу максимум условий для работы. После смерти писателя взяла на себя труд по изданию ранее не печатавшихся и переизданию произведений Вс. Иванова, консультировала литературоведов, занимавшихся изучением творчества писателя. Итогом многолетнего кропотливого труда вдовы можно считать посмертное (1974) издание полного собрания сочинений Вс. Иванова в восьми томах.

ВЫСОКИЕ ГОСТИ В ЛЕБЯЖЬЕМ

Судьба подарила мне случай, благодаря которому я познакомился и несколько раз встречался с Тамарой Владимировной. В начале 70-х годов в Лебяжье, где я тогда работал в редакции местной газеты, неожиданно нагрянула группа литературоведов из Омска, Кемерово, Москвы, принимавших участие в очередной (на тот раз в Семипалатинске) научной ивановедческой конференции. На обратном пути они не могли упустить возможности заглянуть на родину Всеволода Иванова. Визит был спонтанный, без «санкции» властей. Просто в нашу редакцию позвонил из «Звезды Прииртышья» «ивановед» Сергей Музалевский и попросил гостей встретить и сопроводить куда попросят.

На небольшом автобусе с котормым

впервые увидел Тамару Иванову. Вскоре после того, как мы пришли, С.С. Смирнов объявил о присутствии в зале делегации (назвав поименно) с родины Всеволода Иванова и пригласил нас в президиум, где уже сидели несколько человек.

Многое забылось. А вот вступительное слово ведущего помню хорошо, хотя, конечно, не дословно. «Если бы меня попросили, — сказал Сергей Сергеевич, — одним словом обозначить явление Всеволода Иванова как человека и писателя, то я бы сказал: «путешественник». Путешественник в природе и путешественник в мире творчества — в неустанных поисках неизведанного, новых форм самовыражения».

Воспоминаниями о юбиляре, его творчестве поделились Белла Ахмадулина, французский писатель Владимир Плзнер, уже упоминавшийся выше К.А. Абетов и некоторые другие.

Зато, бывая наездами в столице (как внештатный корреспондент газеты «Neues Leben», по линии общества «Возрождение»), когда выдавалось время, давал о себе знать Тамаре Владимировне, неизменно слыша в ответ пожелание встретиться. Так я еще раз побывал в Лаврушенском и два-три раза на даче в Переделкине. Каждый раз открывал для себя что-то новое в судьбе самой хозяйки и, конечно, из творческой биографии ее любимого

Зато, бывая наездами в столице (как внештатный корреспондент газеты «Neues Leben», по линии общества «Возрождение»), когда выдавалось время, давал о себе знать Тамаре Владимировне, неизменно слыша в ответ пожелание встретиться. Так я еще раз побывал в Лаврушенском и два-три раза на даче в Переделкине. Каждый раз открывал для себя что-то новое в судьбе самой хозяйки и, конечно, из творческой биографии ее любимого



Взрослела вместе со страной, переживая каждое новое событие как личное, оценивая из собственного опыта, накопленных знаний и врожденной мудрости. С полным правом подвела итог своей жизни так: «Печали, горести, достижения, успехи, радости, взлеты и победы моей Родины — все это и мое тоже».

В 95 лет закончила свой земной путь эта мужественная, преисполненная оптимизма и требовательности к себе женщина. Прожила в гармонии с веком, вместившим в себя две миро-

стве труженицы «культурного цеха». Играла в театре Мейерхольда, вела драмкружки в рабочих и красноармейских клубах, учительствовала (в ответ на воззвание партии к образованной молодежи), посещала многочисленные лекции и диспуты. Став женой Всеволода Иванова (1929), вошла в литературный мир. В этом мире ее знали не только и не столько как жену известного писателя (хотя долгое время она возглавляла совет жен московских писателей — была и такая организация), но больше

Сергей Музалевский и попросил гостей встретиться и сопроводить куда попросят.

На небольшом автобусе, с которым прибыла делегация, мы поднялись на ближайшую к Лебяжьему высотку, откуда открывалась панорама всего села, Иртыша и заиртышской лесной поймы. Вернувшись, постояли на высоком обрывистом берегу, устремив взоры в водную стремнину, словно пытаясь рассмотреть в ее глубине остатки давно обвалившихся в реку домов, в том числе и того, в котором появился на свет будущий писатель. Заглянули в среднюю школу (в недавно построенном новом здании), носящую имя Вс. Иванова, где в срочном порядке собрали в актовом зале учащихся и учителей. Перед собравшимися выступили двое или трое из гостей (вспоминается фамилия только профессора Минокина из Москвы), и здесь, наверное, впервые молодое поколение познакомилось с тем, чье имя носит их школа.

Через много лет в некоторых публикациях мимолетный визит группы литературоведов превратится в «ивановскую конференцию», якобы проходившую в Лебяжинской средней школе в 1972 году...

Думаю, та короткая лебяжинская встреча послужила поводом для приглашения в Москву на 80-летний юбилей Всеволода Иванова (февраль 1975 г.) его земляков, а именно: секретаря райкома партии С.Н. Зворыгиной, директора школы К.А. Абетова и меня.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Юбилейное собрание литературной общественности Москвы и множества гостей с периферии проходило в большом зале Дома литераторов. Когда мы пришли, действо только что началось. Вел собрание председатель Московского отделения Союза писателей С.С. Смирнов, автор знаменитой в то время книги «Брестская крепость». Рядом с ним сидела пожилая, не мелкого телосложения дама в белоснежной, с кружевной отделкой, блузке. Собранные в большой узел белые же волосы на голове, очки на цепочке дополняли благообразный портрет. Так я

тотчас же подумала: «Вот она, Агмадулина, французский писатель Владимир Плзнер, уже упоминавшийся выше К.А. Абетов и некоторые другие. Попросил и я слово, но лишь затем, чтобы вручить Тамаре Владимировне альбом с фотографиями и вырезками из местных газет ивановской тематики. «Трибунные» речи перемежались музыкальными номерами, из которых, конечно, нельзя забыть «Сейте разумное, доброе, вечное...» в исполнении Ивана Семеновича Козловского.

На следующий день мы встретились с Тамарой Владимировной у входа на Новодевичье кладбище. Идем вдоль шеренг увековеченных в металле и камне знакомых и незнакомых имен. Усыпальница, к которой мы пришли, была до аскетизма проста: два прислоненных друг к другу разноразмерных валуна с надписью на большем: «Всеволод Иванов, 1895-1963». И рябина, в это зимнее время на себя не похожая. Надгробие, как пояснила вдова здесь упокоенного, символизирует дикую природу, которую писатель сильно любил, и в стремлении познать этот мир много путешествовал.

С кладбища Тамара Владимировна забрала нашу лебяжинскую троицу к себе «на чай». И вот мы во много раз описанной квартире в доме в Лаврушенском переулке. И вновь, в который уже раз (об этом подумалось много позже), хозяйка дома показывает и рассказывает. С ее подачи — у каждой вещи и вещицы, вас окружающих, своя история, так или иначе дополняющая образ их бывшего владельца — талантливого писателя и новатора молодой советской литературы, неутомимого путешественника, страстного собирателя редких книг, статуэток, диких камней и прочих диковинок.

Мы тепло, со взаимными благодарностями попрощались. Тамара Владимировна дала нам свои координаты: звоните, пишите, приезжайте, всегда буду вам рада. В том, что это не был просто жест хорошего тона, мне со временем довелось убедиться. Нет, я не досаждал именитой москвичке телефонными звонками и письмами. Во-первых, не хотелось за-

открывать для себя что-то новое в судьбе самой хозяйки и, конечно, из творческой биографии ее любимого и глубоко почитаемого мужа (сам заголовки ее воспоминаний «Человек моей жизни — Всеволод» говорит о многом). Познакомился — очно или заочно — с детьми и внуками Ивановых. На последнем останавливаться не буду, а отошлю читателя к документальной очерку Ольги Григорьевой «По следам факира Сиволота», где скрупулезно прослежена поистине фантастическая биография Вс. Иванова с его многочисленным, на протяжении всей жизни, окружением.

ПАМЯТНОЕ ОБЩЕНИЕ

Время нашего нечастого общения с Т.В. Ивановой пришлось на конец семидесятых — начало восьмидесятых годов прошлого века. Она уже тогда называла себя долгожительницей и рассказала про случившийся с ней курьез. Однажды она встречала в Шереметьево чешскую переводчицу произведений Вс. Иванова. Когда машина въехала в город, по пути следования стали попадаться памятники, воздвигнутые знаменитым писателям. Первым предстал памятник Максиму Горькому. «Была с ним хорошо знакома», — сказала Тамара Владимировна своей спутнице. Аналогичным образом были представлены памятники В.В. Маяковскому и Алексею Толстому. Но, приехав в Союз писателей, «долгожительница» не смогла удовлетворить любопытства своей гостьи, то и дело спрашивавшей: «Кто это прошел?». Мало кого из литераторов нового поколения коренная москвичка знала лично. В конце концов чешка удивилась: «Вы что — только с памятниками знакомы?». Много позже я нашел этот эпизод в книге очерков Т. Ивановой «Мои современники, какими я их знала». Эту книгу с дарственной надписью автора храню как реликвию.

Ровесница века, Тамара Иванова стала современницей и соучастницей многого свершившегося в том столетии в ее стране. Юность пришлась на первую мировую войну и Февральскую революцию. В семнадцать лет встретила Октябрь семнадцатого.

Она была оптимисткой, требовательности к себе женщина. Прожила в гармонии с веком, вместившим в себя две мировые войны, социальную революцию, изменившую мир, штурмоподобный технический прогресс, прорыв в космос, развал советской империи, возврат к христианским ценностям и... к России на распутье. Противоречивый этот век унесла с собой в вечность.

Но портрет моей героини остается не полным, считаю нужным его дополнить.

К моменту слома старого строя, в том самом 1917 году, Тамара Каширина успела получить неплохое образование и до мозга костей впитать многое из того, что отличало русскую интеллигенцию: превалирование духовного над материальным, жажда познания, готовность к самопожертвованию. Хотя благородным ее происхождение никак не назовешь. Дедушки-бабушки, как по отцовской, так и по материнской линии, вышли из крепостных, но после отмены крепостного права, перебравшись в Москву, сумели довольно быстро поставить и развить свое дело. Дед по отцу Алексей Иванович Каширин основал «Торговый дом А.И. Каширин с сыновьями». Дед по матери Потап Архипович Окунев из извозчика сделался владельцем извозного заведения, переросшего в транспортную контору. Сын Каширина Владимир и дочь Окунева Мария, поженившись, и стали родителями Тамары. Родители были людьми грамотными, много читающими, что и привилось их дочери. Обращение её началось в «приготовительной» школе, продолжилось в двух гимназиях и завершилось в университете Шанявского. Плюс, конечно же, самообразование.

Юная Каширина без особых колебаний приняла идеи революции, вступила в партию большевиков (комсомола тогда еще не было), правда, ненадолго там задержалась, что неудивительно с ее старорежимной порядочностью и прямой честностью (любая партия — это политика, с которой высокая человеческая мораль плохо сочетается). Но разрыв с партией не помешал энтузиастке посвятить себя новому строю в каче-

стве коммунистки, революционерки, а затем — в качестве писательницы. Долгое время она возглавляла совет жен московских писателей — была и такая организация), но больше всего как переводчицу произведений французских писателей на русский язык, что и открыло ей двери в Союз писателей.

Творчество Вс. Иванова высоко ценил А.М. Горький, всячески его наставлял и опекал, что, однако, не спасало от длившейся месяцами массированной «рапповской» критики. Вместе с мужем навещая пролетарского писателя по его приглашениям в Италию, Францию, в Москве, в Горках, Тамара Владимировна, не прилагая к тому усилий, снискала глубокое уважение Алексея Максимовича. Его общение с четой Ивановых часто переходило на чисто человеческую волну, как это нередко бывает среди близких духовно людей.

Позднее мне (в качестве «гостя с родины Вс. Иванова») довелось участвовать в очередной иваново-ведческой конференции, проходившей в Московском пединституте имени Н.К. Крупской. Приглашена была и Тамара Владимировна, о чем организаторы, наверное, втайне пожалели. Потому что почетная гостья не преминула воспользоваться случаем, чтобы с присущей ей прямотой высказать накопившееся раздражение по поводу искаженной, с ее точки зрения, интерпретации произведений Вс. Иванова исследователями. Пора, наконец, понять, говорила выступающая, что в основе всего творчества изучаемого вами писателя лежит новаторство. Стремление Всеволода писать всякий раз «по-иному» и было причиной его творческих бед. Только критика привыкнет к одному писательскому облику, а он уже переменял и манеру письма, и стиль...

Быть самой собой, не подстраиваться под течения и веяния — этому своему кредо Тамара Владимировна оставалась верна всю свою жизнь.

**Роберт ШТАРК,
г. Розенхайм,
Германия.**

**(Автор более 20 лет
работал в редакции
«Звезды Прииртышья»).**